

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Вечное движение

Театр-Театр увёл у зрителей почву из-под ног и заставил слышать Господа

Юлия Баталина

Накануне премьеры «Пьяных» Ивана Вырыпаева в постановке Марата Гацалова руководство театра приняло неоднозначное решение: спектакль длиной в два с лишним часа идёт без перерыва. Злые языки утверждают, что решение было принято после того, как во время сдачи спектакля публика массово начала покидать театр. Радикальная мера помогла, но не вполне: бегство из зала, пусть и не массовое, было замечено и на премьере. Не то чтобы спектакль был плохой. Но очень непростой и неоднозначный, очень.

Известно, «что у трезвого на уме — у пьяного на языке». Иван Вырыпаев идёт дальше народной мудрости: по его мнению, то, что у пьяного на языке, вполне может ему же трезвому вообще никогда не прийти в голову! Ибо то, что изрекает сильно пьяный человек, — это не просто истина, а высшая истина, и его устами говорит сам Господь. Насчёт Господа Вырыпаев точно в курсе: он ведь, по слухам, после переезда в Польшу заинтересовался католицизмом, и по спектаклю это чувствуется. Как чувствуется и то, что самого себя автор видит где-то рядом. Ну, не совсем рядом, это было бы нескромно, но где-то.

Ощущение своей высокой миссии, дидактичность, умозрительность, обилие прописных истин, удивительные для прежде столь лёгкого (не по содержанию, но по стилистике) и человеческого драматурга, делают этот текст трудным для постановки: герои ведь не действуют, а только правду-матку режут; причём «режут» сильно заплетающимися языками с активным применением не вполне цензурной лексики.

Режиссёр Марат Гацалов поступил с этим материалом решительно: спектакль поставлен так, что зритель тоже начинает чувствовать себя не вполне трезвым. На протяжении почти всего действия на сцене кружатся в разных направлениях три концентрических поворотных круга, и вместе с ними кружатся, с трудом удерживая равновесие, актёры — то пытаются

преодолеть зыбкость уходящей из-под ног почвы, изо всех сил сопротивляясь этому движению, то отдают ему — падают и замирают. Можно порадоваться за состояние вестибулярного аппарата актёров, поскольку даже у зрителей начинается головокружение, а некоторые жалуются на головную боль.

Для актёров эта работа стала, конечно, подвигом и испытанием. В театральном инстаграме есть фотографии синяков на коленках занятых в спектакле артистов: они то и дело падают — когда-то по сценарию, а когда-то, похоже, и произвольно. И немудрено: круги вертятся всё время, в разные стороны, и передвижение по сцене становится аттракционом акробатической сложности.

Актёрский ансамбль большой и состоит из представителей трёх театральных поколений: и те, что работают с «бобылёвских» времён, вроде Анатолия Смолякова, которого в последнее время не балуют премьерами, а зря, как показал этот спектакль (хотя завзятые театралы и прежде это знали); и звёзды «мильграмовского» периода вроде Ирины Максимкиной, которая, как всегда в психологических ролях, очень точна и тонка, не кривляется, не переживает, не утрирует, но в то же время точно выдерживает ироническую дистанцию между собой и происходящим на сцене и радуется, кроме прочего, виртуозным умением работать с микрофоном — эту технологию не все освоили одинаково хорошо; и, наконец, вчерашние студен-

Ирина Максимкина и Анатолий Смоляков

ты — юные представители стажёрской группы. И все работают на одном уровне, в единой стилистике, что надо признать заслугой и режиссёра, и труппы.

Невозможно не упомянуть особо Альберта Макарова, чья уже ставшая знаменитой экспрессия в очередной раз оказалась очень уместной и вызвала аплодисменты даже у перегруженной впечатлениями публики.

Ощущение зыбкости, неверности, пьяной искажённости мира усиливает подвижная видеокамера, транслирующая действие на большой экран и всё время меняющая ракурс. Лица героев предстают на экране порой под совсем нелепым углом, а иногда — в начале спектакля и в финале — камера становится оком того самого Бога, от имени которого сильно пьяные герои говорят о любви и смерти. В этот момент сцена видна на экране с большой высоты; три круга, на которых вертятся крошечные фигурки артистов, выглядят как модель Вселенной, и даже попадающие в объектив штанги с прожекторами верхней рампы смотрятся как-то космически, как стапели стартующего шаттла.

По замыслу режиссёра, герои оказались в парке аттракционов — карусельные оленя, машинки с автодрома, — где компании и парочки перемешались и незнакомые прежде мужчины и женщины нашли друг друга. Вполне уважаемые люди — банкиры, рекламщики, домохозяйки, даже один директор кинофестиваля — выпили по вполне законным поводам: кто-то на годовщину смерти матери, кто-то на мальчишник. Неудивительно, что одеты персонажи причудливо и неряшливо: белый смокинг со спортивными трусами, чёрное вечернее платье из гипюра и мотоциклетный шлем, олимпийка поверх свадебного платья... Детали одежды не простые, а говорящие: так, больничная рубашка означает, что герой смертельно болен, а балетная пачка — то, что героиня мечтает о балете и даже немножко врёт, что она балерина.

Время от времени действие перемещается в зал: то в объектив камеры

попадают зрители (на премьере можно было увидеть на экране множество знакомых — и уполномоченного по правам человека в Пермском крае Татьяну Марголину, и директора по развитию Театра оперы и балета Аллу Платонову, и многих других — все они немножко поучаствовали в «Пьяных»), то, напротив, актёры перемещаются в зал.

Словом, всё сделано для того, чтобы зритель хотя бы приблизительно на себе испытал неудобства, выпавшие на долю нетрезвых героев. Особенно «повезло» зрителям в первых рядах партера: периодически прожекторы со сцены бьют им прямо в глаза. Точнохонько. В эпизоде, когда компания, вышедшая с мальчишника, катается на детских машинках, весь партер сидит, закрывшись руками, и не смотрит на сцену, дабы избежать этой изощрённой восточной пытки.

Всё это весьма усложняет восприятие и без того непростого спектакля. Поэтому, дабы будущие зрители по возможности избежали неудобств и получили в театре удовольствие, попробую, как более опытный товарищ, поделиться лайфхаками.

Итак, что нужно сделать, чтобы досмотреть «Пьяных» до конца и не жалеть о потраченном времени?

Нужно выбрать место в первых рядах амфитеатра, лучше всего в середине. Там вам не грозит пронзительный свет в глаза, а когда герои будут бегать по залу, не придётся вертеть головой и изгибать шею, чтобы их увидеть. Наконец, именно с этих мест гарантировано наилучшее восприятие музыки: музыканты расположены во всех ложах, музыка как бы окружает зал, и если вы окажетесь слишком близко к одной из лож, то качественного «стерео» не получите — «ваша» ложа будет звучать громче, чем остальные. Проверено на себе.

Именно на этих — в центре зала — местах, если зрелище всё же не придётся вам по вкусу, вы сможете закрыть глаза, постараться абстрагироваться от текста и насладиться музыкой, специально сочинённой для этого спектакля Сергеем Невским. Она прекрасна.

Альберт Макаров